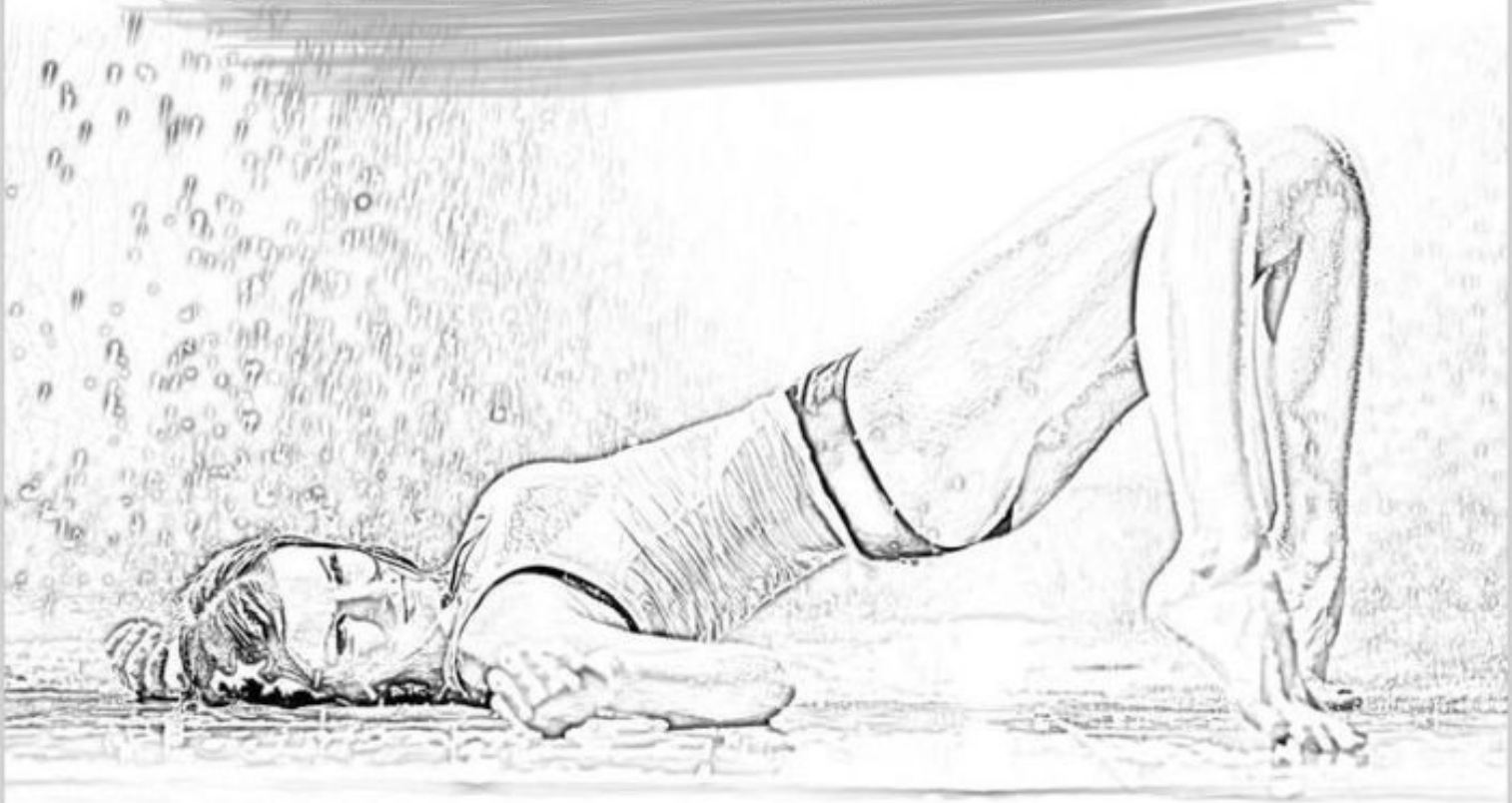
18+

Роман о любви мужчины и женщины,
объединённых линией Эдипова Комплекса

ЛИКА КОНКЕВИЧ



"Я Одиночка. Со мной сложно. Я очень привередлива в буднях и быту...
Я больше не хочу никого ломать. Я хочу жить. Просто жить..."

#Эдипына

18+

Лика Конкевич

#эдиптына

«Издательские решения»

Конкевич Л.

#эдиптына / Л. Конкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981451-7

Если тебе не везет в любви и ты не можешь встретить своего человека, с которым бы хотел прожить всю жизнь, то тебе сюда. Если ты интересная личность и просто хороший человек, но твой партнер — Одиночество, тогда ты сделал правильный выбор, зайдя сюда…Верю, не пожалеешь.

ISBN 978-5-44-981451-7

© Конкевич Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть первая 7
Эрика 7
1 8
2 9
3 10
4 11
5 14
6 15
7 16
8 19
9 21
10 23
11 25
12 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

#эдиптына

Лика Конкевич

Дизайнер обложки Ольга Волкова

© Лика Конкевич, 2024
© Ольга Волкова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4498-1451-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С Любовью к Д.
За возможность прикоснуться к твоей жизни
и показать некоторые моменты из нее миру.
Обнимаю.
Верю, получилось.

Пролог

Роберт стоит посреди магазина с бумажным кирпичиком и с наслаждением проводит по буквам так, будто потерял зрение.

Подушечки пальцев вдыхают аромат и показывают внутренним зрением:

Ненси Катер «Комплекс Электры в психологии женщины»…

Часть первая

Эрика

1

Она просыпалась пять раз за одну единственную ночь. Можно сказать, что сегодня без сна. Прерывисто. Нудно. Просыпалась и бежала в туалет.

Вспомнила детство, как не хватало мамы и она писалась прямо в постель. Зачем?

Чтобы она пришла и поменяла белье. А еще дотронулась пусть до мокрого, но такого нуждающегося в ней маленького тельца.

С годами Эрика научилась сдерживать свой мочевой, но нужда в теплых руках пробуждала ее верным звонком среди ночи.

Пять раз за одну ночь…

«Это могли быть оргазмы… – протаранила тишину своим признанием, произнося это вслух. – Если бы ты жила с парнем» Обреченно продолжает.

Парня у Эрики нет два месяца. Для нее это целая вечность.

Вот так, без поклонников и мужской поддержки выжить в этом пустом мире, заполненном гулким одиночеством и грустью, нужно много решимости и принятия себя.

Принимать себя она научилась.

Опускать свое тело в это обволакивающее бесконечное пространство комнаты, в которой больше нет жизни, кроме ее собственной.

Свою жизнь она тоже научилась ценить.

Вспомнила снова о детстве. Когда мамы ей хватало, ночью она уже не просыпалась. Спала до самого утра и была счастливой и бодрой.

И ей так хотелось, чтобы мама обратила на это свое внимание. Но та уже была занята своими делами и вспоминала о дочке только в очередную мокрую ночь.

Сейчас, когда ей 36, маму ей заменяют мужчины. Не все.

Она научилась разделять их на мужчину-папу, мужчину-маму и мужчину-папумаму.

Каждого она дополнительно делила на мужчину *хороший папа* и мужчину *плохой папа*.

Всегда далеко и романтично отзывались в ее сердце мужчины *хорошие папы*.

А рядом оказывались мужчины *плохие папы*.

2

Вчера объявился ее Друг.

Человек, которого Эрика мало воспринимает как мужчину. Ей нравится болтать с ним обо всем на свете, дурачиться зимой в снегу, бултыхать газировку на последнем ряду в кинотеатре.

А еще отводить глаза, когда он случайно дотрагивается до ее волос или убирает ниточку с ее кофты на плече.

Или задерживает ладонь на ее щеке, чтобы погреть на морозе.

Когда приносит стаканчик ее любимой колы, в котором стукают друг об друга льдинки. Она начинает заигрывать с ними, рассказывать совершенно простую незатейливую историю.

Как встретились в океане две шлюпки с затонувших когда-то кораблей. И начали рассказывать свои истории, как они оказались в этом месте и в этот час.

А Он слушает ее и тормозит про шлюпки:

– Хочу тебя. Поедем ко мне…

Она резко останавливается и, отодвигая стаканчик, хмурит брови:

– Вот вечно ты так… все портишь. Ну нормально ведь сидели, болтали, тепло…

А Он продолжает, словно пропуская мимо ее слова, при этом бережно обходя эту стену, возникшую между ними:

– Эрика, мне тридцать пять и это нормально, что я испытываю желание, глядя на тебя. Вдвойне приятно, что мне уже можно говорить об этом. И делать это.

Она замирает и еще больше ежится в себя. Ей нечего сказать. Она согласна. Но общение с ним без секса ее устраивает гораздо больше. Идет на интимную близость с ним только потому, что он этого хочет. И жаль будет потерять такого искреннего друга, с которым можно все. В постели Мигель застенчивый и скромный мальчишка. Она даже ни разу не видела его член. Это закрытая территория для любой женщины. Секс только под одеялом. И полный контроль за руками Эрики. Выдыхает и начинает коротить:

– Да, мне не шестнадцать, а я зависла там. Да, со стороны это выглядит странно и мое поведение нелогично. Ну давай я тебе дорасскажу эту историю, а потом… обещаю….поедем.

И Она поднимает на него такие глаза, которым невозможно отказать. Он улыбается своей идеальной формой губ и тоже коротит (говорит отрывисто и быстро):

– Только мое условие! Пока ты дорассказываешь про шлюпки, я буду держать тебя в своих руках.

Это запрещенный прием (она не может позволить себе генитальное возбуждение именно с ним, он ведь ее друг) и они оба это знают.

Но условие на условие.

Они теперь взрослые. Им теперь все можно…

3

У них взаимовыгодное сотрудничество.

Мигелю удобно с Эрикой. Она не хочет замуж, как все остальные девушки, которые оказывались в его зоне близости.

Он же позиционирует себя свободным вольным ветром и по жизни поменял уже десяток стран.

В отношениях ему не везет.

Родился от случайной связи своей юной матери с африканским парнем, который ненадолго оказался в их городе по работе.

Матери было всего семнадцать и родители сделали все, чтобы изолировать ее подальше от семьи и близкого окружения, чтобы никто не показывал пальцем на красивое дитя грешной любви.

Мигель на удивление сохранил оптимизм и уважение к людям.

Он не был зол на мир, но чувство потерянности и изолированности от них испытывает постоянно.

Эрика вошла в его жизнь в тот момент, когда он пытался сорваться с очередного места проживания.

По его внутренним меркам он здорово задержался. Начался пятый год его остановки в одном месте.

За эти годы поменял более двух сотен квартир и не было, наверное, такого двора в этом городе, где не ходили бы его ноги.

Он основательно метил территорию и пока не догадывался, насколько сильно связано это его действие с тем, что он боится привязаться…

4

– Эрика,

ты не видишь, как в одном месте обесцениваешь, а в другом идеализируешь? – снова сообщает ей Мигель. И, не давая шансов ответить, продолжает. – Важный момент в юности разочароваться в папе, чтобы оторваться и зайти в мир мужчин.

– Кто бы говорил! – тут же отлетает от Эрики в сторону Мигеля. – На себя посмотри!

– Да при чем здесь я. Сейчас речь о тебе. Ты разве не видишь, что привязана к отцу… идеальному отцу? – не унимается ее друг.

– Какая тебе, на хрен, разница, к кому я привязана, а к кому – нет. Завидуй молча! – искрит и негодует, словно не слова в нее летят, а зажженные факелы с фаер-шоу.

– Если тебя это не касается, чего ты так разгорячилась? Хочешь меня? – продолжает дразнить, приближая к ней свое возбужденное лицо.

– Помечтай! – дерзит Эрика, отодвигаясь и прижимаясь к холодной стенке

– Может, хватит уже разменивать себя на неподходящих парней? – пересаживается на ее диванчик Мигель и пытается успеть обнять, приложив всю руку, начиная с плеча, на спину Эрики.

Та взбесилась, набрала побольше воздуха и выпалила:

– Да пошел ты к гребаной матери!

Соскочила, как ошпаренная, вдогонку швырнув за свое левое плечо резкое и колкое:

– Придурок!

И влетела в морозный вечер.

Не сразу заметила, как несется с бешеной скоростью, словно он непременно должен нагнать ее, чтобы продолжить убеждать, что ее отец не идеальный.

«*Да кто ты такой, чтобы лезть в мои отношения с отцом*?!!» – почти вслух возмущалась она и переставала заглатывать ледяной воздух, кашляя и останавливаясь, но принимаясь гневаться вновь.

Сбивчиво, сумбурно, выбрасывая в декабрь обрывки слов: «*придурок… при-ду-рок!*»

Дыхание сбивается, воздух не успевает согреться в носу и застревает в горле. Легкие заботятся о себе и вовремя подают сигнал гортани «не впускать».

Прямо как она. С Мигелем.

Подала сигнал, что сюда нельзя. В отношения с папой – нельзя! Это святое. Как посмел?

«Да кто ты такой, ничтожество?» – продолжает уже вслух.

На этих словах ее губы уже пробивает мелкая дрожь и они выпускают жалобный вопль.

Слабый, тихий и больше похожий на несмелую попытку волчонка поскулить, привлекая внимание своей матери.

В этот момент Эрику пронзает такое сильное чувство одиночества, что не может дольше смотреть в эту бездонную пустоту.

Смотрелось непременно вниз. Именно там находится оно. Ее одиночество.

Внизу /под ногами/ втаптывается вместе со свежим снегом и от этого становится еще холоднее. Обувь уже не спасает и она вбегает в Кофейню.

Заказав себе горячего шоколада, достает блокнот, карандаш и принимается штриховать. Беспроигрышное занятие. Спасает во всех жизненных ситуациях.

В радости, одиночестве, горе, печали, злости, тревоге.

Что выйдет сегодня?

Она пока не знала. На какое-то время ее поглотил рисунок и она забыла о промерзших ногах и горячем напитке.

Лишь, когда стрелки стали показывать на полчаса больше, когда весь лист был заполнен выразительными штрихами, с гордостью остановилась.

«*Еще один душевный оргазм*» – с улыбкой констатирует факт.

Эта фраза однажды произвела на нее сильное впечатление, когда она впервые столкнулась с ней в кабинете своего терапевта.

Не могла поверить, что Роберт сказал это. Она тормозила и просила повторить. Расшифровать, что это значит. Всю свою жизнь она думала, что оргазм можно испытать только половыми органами, сопровождая характерными конвульсиями с последующим расслаблением и умиротворением.

А то, что душа и мозг испытывают оргазм и закон жизни этих оргазмов одинаков по своей природе, для нее стало открытием.

И этот день она помнит до сих пор: день ее первого осознанного душевного оргазма.

И вот сейчас, тихая и успокоенная, Эрика отложила свой блокнот на столик и огляделась. Одиноко стояла ее нетронутая чашка с шоколадом. Сверху пушились стружки кокоса и шестом крутилась трубочка, завернутая сердечком.

Эрика машинально наклонилась к ботинкам, чтобы снять их. Поджала холодные ноги под себя. Так они быстрее согреются. Подозвала взглядом девушку-официантку и попросила подогреть напиток. А ещё принести макароне. Ее любимые. Обязательно четырех цветов: фисташкового, лимонного, клубничного и шоколадного.

Эрика обожала, как они таяли под языком во рту, как превращались в сладкую каплю внутри нее.

Она представляла, что это капля мужчины: вкусная, зависящая от настроения.

…Одернула себя, как только поняла, что фисташковая уже внутри. Как она нажимает на нее языком сверху, предвкушая вкус. При этом взгляд ее уставился в рисунок блокнота.

Стряхнула голову, зажмурила глаза и отвела их в сторону. Покраснела. Неловко. Тошно. С листа на нее смотрел выразительный взгляд отца…

Высокий, в пышных волнах каштановых волос. Соблазнительный, пронизывающий взгляд.

«*Папа, папочка…*» – погладила портрет, словно он слышит ее и взяла шоколад, быстро вытягивая его из сердечной трубочки. Слезы синхронно по траектории вниз.

Поток настолько сильный, что нос тут же принимает их часть в свою работу. Не справляется и он.

Эрика открывает рот, дышит им. Наклонилась достать платочек из сумки, но тут молниеносно из памяти прилетело воспоминание.

Она ни разу не думала о нем. И сейчас ей хотелось стереть его и запихнуть обратно, но было поздно.

Сознание уже получило посылку от бессознательного.

Эрика отрицательно закачала головой, все быстрее и быстрее. Плечи задрожали в молчаливой истерике.

***

Зима. Такая же холодная, как и сегодня.

Ей четырнадцать. Каникулы. Они с отцом стоят посреди леса. Ждут рейсовый автобус. Ей кажется, что прошло невероятное количество времени, пока она насквозь промерзла. Это потом она узнает, что не может рожать и быть мамой. Потом пролежит в больнице месяц.

А пока она стоит и смотрит обреченно на лес и на своего отца, который время от времени распахивает свою шубу и достает из-за пазухи пол-литра. Откручивает крышку, делает очередной глоток и завинчивает обратно.

И это потом она узнает, что стоять им так и мерзнуть четыре с половиной часа. А можно было сидеть в автовокзале и ждать транспорт там. В тепле…

И тут она чувствует этот отвратительный запах свежей водки. Совсем рядом. У своего носа.

Сморщилась. Подняла глаза, а перед ней стоит пьяный человек и смотрит на нее.

«*Чего ревем*?» – собирая буквы в слова, спрашивает он.

Эрика вскакивает в свои остывшие ботинки, уже на ходу прихватывает шубу, блокнот и сумку, заворачивая шарф вокруг своей тонкой шеи и вылетает на мороз.

Снова на мороз. Не многовато ли за один вечер?

В это место она больше не придет. Как и в то, где Мигель ее оглушил про отца.

Переживания, разочаровавшие в отце. Неужели так много лет она носила это в себе?

Неужели это все было в ней?

Неужели спрятала так глубоко, что искренне поверила в идеального отца – Мужчину?

Папа…

Слово застряло на ее губах и она нервно вытерла их ладошкой. Словно он только что поцеловал ее…

Выплевывать. Она стала выплевывать это. В свежий снег, стоя между домами. Как заправский мужик, которому уже нечего стесняться.

Она снова вспомнила. Как пьяный отец поцеловал. В тринадцать. У нее был день рождения.

А он прямо в губы. Смачно. Засасывая ее девичьи в свои противные, толстые и пьяные. Как же они воняли тогда…

Разрыдалась и села в снег.

«*Да что же такое-то? Когда это закончится? Когда этот день закончится? Когда все это перестанет выходить из меня?*» – проносилось в ее голове.

Но она была бессильная в этой борьбе.

Страшная машина воспоминаний уже была запущена. И беспощадна. Они били Эрику неожиданно. Как будто вышла на ринг, а драться не умела. Над ней потешались, ею играли, но не давали выйти из игры.

***

6 класс.

Она идет из школы. Снова зима. Почему все воспоминания связаны с зимой? Ее уже тошнит от этого белоснежья и морозит от холода. Ее сердце-лед. А в голове-пламень.

…Эрика открывает дверь квартиры, а оттуда выбегает мать в разодранном шерстяном платье и за ней шатающийся отец. Он пьян. В руке ремень. Дальше воспоминания стираются.

…А вот дедушка ведет ее к себе домой. Эрика на своих первых в жизни школьных каникулах. Глубокая осень. Она спрашивает, почему мама плачет. А тот врет ей что-то, чему девочка вовсе не верит, но от этого еще сильнее боится. Ей так не хватает своей комнаты, уютной постели именно сейчас, и еще маминой сказки на ночь.

Вместо всего этого ей приходится засыпать в дедушкином доме, укутываясь в ватное одеяло. Трудно.

Сквозь сон она слышит уже бабушкин голос, который тихо говорит в трубку:

«*Да, Светочка пока без сознания. Юра в милиции…*»

5

День, когда отец перестал пить.

Эрика вспомнила и это.

Она была в Ялте. У бабушки с дедушкой по отцу. Ей двадцать. А чувствует себя ребенком. На море познакомилась с парнем из Румынии.

Григор, на пару лет ее младше. Они много проводили времени вместе: болтались по городу, изучали все пляжи, уходили в горы, протискивались безбилетниками в Икарус с туристами на экскурсии. Сидели как мыши, а на водопадах громко смеялись и заливали друг друга ледяной водой. Ели одну булку на двоих, такие голодные были в горах. После дрожали под одним пледом в обратном пути на последних сиденьях переполненного автобуса.

…В этот день ее вызвали телеграммой домой, в Москву. Неожиданно. Мама в больнице. Инсульт. Вернулась и не узнала отца.

Он был молчаливым и серьезным. В доме чистота, на плите его фирменный лагман, а в духовке мясо по-французски, в холодильнике ее любимый домашний квас.

…Ей хотелось немедленно заткнуть бабушку, но приходилось затыкать уши. Выскочила из дома. Напрочь забыла этот день. День, когда она встретилась с Другим отцом.

«Если бы не Мигель сегодня, черт бы его побрал!» – Снова жует мысли Эрика, -…Папа снова избил маму. Приревновал к соседу. В пьяном угаре. Снова 03 и 02 у наших окон.

Как им удавалось каждый раз оберегать меня от своих скандалов, от отцовских пьянок и маминых больниц с параллельными папиными отъездами в милицию?…

6

Эрика ненавидит ходить в чей-то дом.

Не может преодолеть этот сложный барьер. Еще с кем-нибудь за компанию, да. Затеряться в толпе, слиться с массой, уйти к детям и тихонько играть там. А сидеть за столом, смотреть на супружеские пары-нет.

Опять воспоминания… детство.

Мама и папа ругаются. Летят столовые приборы, скорая, у отца сердечный приступ, после он требует ему снова налить. Мама не выдерживает и уходит домой, а Эрике приходится ждать утра. Вместе с пробудившимся солнцем смотреть на опохмеляющегося отца. Она еще в школу не ходит. Значит, ей лет шесть.

Еще воспоминание.

Снова зима. Мама и папа идут впереди. Эрика плетется след в след за маминими бархатными сапожками на тонких каблучках. Тут же крик, ругань разлетаются в разные стороны и мама несется вперед, проваливаясь шпильками в снег. Отец на бордюре проезжей части валяется на боку и стонет. Эрика стоит как вкопанная и понимает, что нужно быть возле него.

Тянет своими тонкими ручонками вверх, тот орет на всю улицу, но поднимается. Сначала на коленки, пытаясь ползти. Останавливается, блюет в сторону на свежий снег и снова подает руку малышке. Девочке противно, теперь хочется блевать и ей.

А еще ей страшно.

Куда идти?

Холодно и пугающий отец. От этого ноги подкашиваются и сердце слышно.

Но наутро отец лежит на кровати. На ней доска и жесткий матрац. На его голом волосатом торсе туго запеленутая простынь.

Вставая с постели, он дико орет и много курит. Сизый дым в комнате. Душно.

Эрика сидит в углу и читает букварь.

Зачем к ней вернулись эти воспоминания?

Ненавидит свою психику сейчас за это. Передышка и снова в бой. Как схватки. Хотя, откуда она знает? Но чувствует именно так.

Мама с папой ругаются в коридоре.

Эрика уже в теплой кровати. Закрывает уши ладошками, дрожит от страха.

Неожиданно ледяные руки матери срывают одеяло и ее вместе с ним. Начинают скоро и зло одевать. Куда? Ночь…

Обрывается кусок в памяти. Дальше… Она крепко держит свою руку в отцовской ладони.

Его шатает, он снова пришел с работы пьяный.

Останавливается, морщится, сгибается пополам, орет и снова идет вперед. Куда?

Эрике холодно. Хочется спать и плакать.

Тени от домов и нависающие снежные тучи создают дополнительную угрюмость и наводят ужас на маленькую девочку.

Остановились. Входят внутрь.

Отец через стеклышко спрашивает у пышной женщины чью-то фамилию, ему категорически мотают головой.

Он снова морщится, женщина реагирует, его уводят за белую дверь, а Эрика остается одна на ледяной унылой скамейке.

Пустая звонкая комната. Она читает по слогам на стеклышке возле тети *ре-гист-ра-ту-ра*. И снова провал в памяти.

Больно…

7

МММ. Это так однажды Эрика зашифровала мужчину своей мечты.

Мечта для нее как фейерверк в новый год.

Как вкусный кофе, сваренный при ней заботливыми руками мастера.

Как кусочек торта после нудной диеты.

Как… как Она сама, Женщина чьей-то мечты.

В этом месте резкий поворот и выдох:

– Чтоооооо?…Я – Женщина чьей-то мечты?

– Ну да.

Представь. Есть мужчина на свете. Он уже давно сложил твой образ в своей голове. Ты для него миниатюрная, утонченная, с мягкими теплыми формами, нежными прикосновениями, в уютном хлопке. И непременно встречаешь его уставшего с работы…, – начинает манить в разговор Сандра.

Глаза у Эрики загораются:

– Да! Я хочу именно так!

– Угу, – продолжает подруга, – он говорит тебе… что хочет массаж…

– Да! Я люблю, обожаю…

Сандра продолжает:

– Он уже знает, что ты романтичная натура и позаботилась о свечах. Купила его любимые, с лавандой. И этот мягкий свет создает особый флёр…

– Да! – сходит от нетерпения Эрика. – Я сама так люблю! Мммм…

– И он после массажа глубоко засыпает. До утра! – ставит звонкую точку подруга.

– Как? – Возмущается Эрика. – Хм… нет! А дальше?

– А что дальше? Женщины его мечты дальше не существует. Она испаряется вместе с его сном!

– Нет, погоди! А как же секс, поцелуи???

– Эрика! Позаботься об этом сама. Он хотел то, что получил. Все! Наутро он любит тишину и одиночество.

Он любит сам готовить кофе. На бегу. У него уже с четырех утра голова погружена в таблицы и новую идею для бизнеса. Еще на выходные стоит напоминалка в телефоне про рыбалку с отцом на озере. С отключенными гаджетами…

– А я? А как же я?

– А ты… с тобой у него все хорошо. Ты в его голове тоже есть. Живешь.

Вот, выпивая на ходу горячий кофе, он обжигается и вспоминает о тебе. И фантазирует о том, как шлепает тебя по заднице и запускает руки в твою пышную копну. Скорый секс и он уже спускается в лифте к машине.

– Как? Так я бы до утра могла остаться! И был бы секс! -возмущается Эрика и больше не может сдержать гнева.

– Да. Могла бы. Но не осталась. Иначе бы наутро увидела его слипшиеся глаза и амбре изо рта. И еще бы твой нос учуял, наконец, его настоящий запах тела…

– Ну да… ну и что? Так-то я сама утром выгляжу не лучше…

– Вот! Вот поэтому он и не оставляет тебя у себя. Потому что Женщина его мечты и должна ей следовать. Ты же хочешь долгих отношений? Вот и возвращайся каждый раз домой, -не унимается подруга.

– Но это какие-то гостевые отношения получаются! – уже пыхтит Эрика.

– Ну да, в гостях хорошо, но пора бы и честь знать. Не переживай, подруга, в течение дня он еще пару раз подумает о тебе!

– Да? Ой, а когда?

– Когда захочет в туалет. Будет терпеть, а, когда совсем невмоготу, будет писать и вспоминать, как ты классно делаешь ему то самое. Замурчит от удовольствия…

– Фуууу… ну ты чего, Сандра?!! Аж затошнило…

– А что? Ты Женщина его мечты. Приходишь в его голову ровно тогда, когда он захочет. Делаешь то, о чем он мечтает. Думаешь, он вспоминает о тебе, чтобы послушать, как ты просидела на маникюре три часа? Как девочка рассказывала тебе о своей жизни с парнем, который не работает, а живет за ее счет? Или, как ты мучилась с болями в женские дни и таблетки не помогали?

Или о том, как скачала приложение «гадание по руке» и…

– Стой! Если бы он узнал про последнее, то точно перестал бы обо мне мечтать…

– Ну вот, хорошо. Начинаешь соображать. Что еще?

– А еще я, как Женщина его мечты, должна воплощать в жизнь его фантазии. И эротического содержания тоже. А, если вывалю свои, то…, да уж, сомнительная перспектива, – затихает Эрика.

– А, представь, ты окажешься Женщиной мечты другого мужчины. Этот будет сильно бояться тебя потерять. Встретит и больше не отпустит. Звонить тебе бесконечно будет и ты будешь обязана брать трубку в любое время дня и ночи.

Хотя.…

после встречи с ним шансов на одинокие ночи у тебя не будет. Он тебя к себе перевезет в первую же неделю после знакомства. И засыпать будешь только после трехактного секса.

– Аа! – Уже заносит Сандру от куража и возбуждения. – Еще у него будет фишка: чтобы Женщина его мечты уходила сразу мыться после акта.

И пахла Диором. У него уже припасены несколько флаконов для тебя. И в комоде последняя коллекция тонких трикотажных шортиков вместо твоих кружевных стрингов. Увидит, что носишь такое безобразие, разочаруется и поменяет на другую Женщину мечты.

– Так я не Женщина его мечты! Зачем он меня выберет вообще? -испугалась Эрика.

– Как это не Женщина мечты?

А кто в первые три дня с момента встречи кивает головой ему в унисон, что бы он ни говорил? А кто рассказывает о своем увлечении, которое для него фетиш? И еще твои губы по форме в точности как губы его первой любви Татки. Он потом и тебя в нее переименует… Чтоб совсем в яблочко.

И тембр голоса твой по его мурашкам здорово проходится… Потому будешь Женщиной его мечты. Без права показать свое, личное. Ему будет неважно, чем живешь, что беспокоит, как ты пережила эти колики вчерашние после неудачного обеда в новом кафе.

– Да как?!! – раздуваются в негодовании ноздри у Эрики и волнуется грудь. – Не согласна я!

Я вот, например, думаю о МММ! И хочу, чтобы он делился со мной всем этим. Узнавать его хочу. …Маму только его не надо. Она меня уже бесит. Хотя я не знаю ее даже.

– Ну вот, отлично. А он в ответ скажет: «Моя Женщина мечты вообще от святого духа родилась, чтоб у нас дома никого из ее родни не было»

– Ну да, – соглашается Эрика, – нескладно получается… Он моих еще не знает, а уже не хочет видеть.

– Да, а его мама что тебе сделала?

– Да ничего. Я ревнивая просто очень. Не смогу делить.

– Хорошо. Пусть МММ только маму похоронил. И нуждается в женщине, которая будет так же по субботам печь его любимые беляши…

– Ой, я могу! Хочу!

– Ну да, а после беляшей ты будешь ждать вознаграждения сексом, а он не даст…

– Как это? Почему? Это же логично! – только успокоившись, снова разгоняется Эрика.

– Логично для тебя, но нелогично для него. С мамами спать-это инцест! – подводит итог самоуверенная подруга.

– Так я же не мама! – уже дует свои пухлые губы в и на глазах превращается в милое беспомощное ангельское существо Эрика.

– Это ты ему будешь говорить.…, – смотрит прямо в глаза Сандра.

– Господи, да как же все запутано и сложно в жизни получается с этими идеальными мужчинами и женщинами, – короткими звуками вырывает из себя Эрика.

– А как иначе? На то они и идеальные, что нужно соответствовать, -окончательно добивает ее подруга.

– А я не хочу соответствовать! Я хочу жить! -почти со слезами кричит Эрика.

– Так и живи! Что мешает?

Растерялась… Пауза и продолжает медленно:

– Если жить, как хочешь, то придется отказаться от мечты, – обреченно вздыхает Она.

– Пусть остается твоя мечта. Просто не гора должна идти к Магомету, а Магомет к горе!

– Я не понимаю твоих аналогий…

– Не впихивай мужчину в шаблон МММ, а смотри на мужчин, с которыми ты сегодня пообщалась и чем они тебе понравились.

– Так у меня нет таких! – снова начинает нервничать Эрика. – Со мной всегда в голове этот идеальный образ. Я не вижу мужчин в реальности, не вижу, Сандра!

– Ну так начни смотреть. Ты увидишь много интересного. И получишь… Вот где твои глаза в течение дня?

– В землю ушли, в стороны, в гаджет… куда угодно, только не вперед… Мама дорогая, я поняла! – вскочила и умчалась прочь из кафе..

8

Эрика вдруг показала его.

Силиконовый имитатор, полностью повторяющий форму и рельефы оригинала.

Мигель уставился в ее открытый рюкзак и не мог вымолвить ни слова.

Совершенно дурацкое действие. Пиццерия. Полно народа и Эрика разворачивает в рюкзаке имитатор. А Мигель сует свой любопытный, но уже тревожный нос….

Остановленное чувство Мигеля вырвалось наружу только на следующий день, когда они словились в кафе среди дневной суеты.

Выпить кофе, поболтать между работами.

Мигель начал:

– Только без обид, Эри… ладно?

Ооо, она уже знала, что это значит.

Сейчас Мигель начнет вываливать осторожно ей свои проблемы. А она готова:

– Давай, руби!

Он еще раз смотрит на нее пронзительно, словно ищет утверждающее «Да». И Она дает ему это. И Он начинает:

– Этот бешеный твой взгляд. Обожаю его. Ты бы видела себя со стороны в этот момент. Вообщем, что я хотел сказать.., – останавливается, снова смотрит, делает вдох и продолжает, – вчера мне показалось, что у тебя там все было не так. Ну, ты понимаешь, о чем я?

Эрика уставилась прямо в него и развернула свой широкий рот в улыбке. Она всегда так делает, когда хочет снизить нарастающую тревогу:

– Продолжай, Мигель…

Он отводит взгляд в сторону и выдыхает:

– Да я в принципе все сказал. Ты же умная девочка, понимаешь, что я имею в виду.

Эрика всверливается в него своими бездонными голубыми, но он неумолим:

– Ну давай сама… скажи.

Она принимает его игру и начинает:

– Очкуешь, что с ним мне лучше чем с тобой?

– Мимо.

– Ревнуешь?

– Мимо.

– Думаешь, что я сыта теперь через него и тебя мне больше не надо?

– Мимо.

– Ну… он всегда стоит и не завершает не вовремя…

– Мимо! – делает он резкое движение, встряхивая себя в кресле и начинает тараторить. – Тебя бы выгнали с передачи «Где логика?», Эрика! Как можно перечислить все что угодно, а главного не назвать?

– Так назови ты, – снова в упор уставилась на него Она.

Мигель начинает снова отводить глаза и мямлить:

– Ну, ты понимаешь….мышцы вот. И….похоже, ты их растянула этим монстром…

Эрика вспыхнула и залилась громким смехом:

– Мигель, ты серьезно сейчас? Серьезно говоришь о том, что силиконовый член 15 см растянул меня так, что твой парень сейчас там болтается карандашом в стакане?)))

– Зря смеешься. Именно это я и почувствовал…

– Миги, так это твои проблемы. В твоей голове. Если бы ты не знал о его существовании, то все было бы как раньше. А теперь все мои ранее отвеченные фразы примерь к себе. Они об этом, а не о моих растянутых мышцах.

– Неубедительно, Эри… – тоскливо протягивает Мигель.

– Я и не пытаюсь тебя убеждать. Давай о тех, кто фитнесом занимается, а потом бросает. Сколько нужно времени, чтобы мышцы стали дряблыми, атрофировались?

– Ну, с полгода не меньше…, – начинает приходить в себя.

– Так вот моему силиконовому другу три недели. Все это время он болтается в моем рюкзаке и пару раз пробовала его на вкус….это о чем-то тебе говорит?

– Все. Все, вот теперь я спокоен. Реально, Эрика. Меня отпустило. А ведь как сильно торкнуло вчера.

– Да я сто раз пожалела, что поделилась с тобой этим. Представила, если бы я оказалась на твоем месте и ты бы показал мне искусственную вагину.

Поверь, мне только хотелось этим показать, что без тебя я не ищу других парней. И свою нужду справляю самостоятельно…

9

Зря она это сказала.

Постоянно ругает себя за свой скорый язык, но это ей мало помогает.

Как только в чем-то убеждает другого, все, жди обратного.

…В офис пришел новенький. Высоченный красавец с арабскими корнями.

Адиль. Мамин сын. Юный, дерзкий, настойчивый. Добивается Эрику.

Но…

Мама на проводе. В самый пикантный момент. И он меняется в лице. Сдувается на глазах и становится хрупким нескладным подростком, которому важно ответить на звонок.

Сказать, что все в порядке. Что он у друга. И скоро будет.

Эрика сидит рядом и тоска съедает ее.

Но с нажатием на красную кнопку завершения разговора Адиль возвращается. И возвращает себе эту мужскую наглость и преимущество.

И с еще б*о*льшей силой сжимает ее в своих руках. До боли. До ее визга. До грубого проникновения языком глубоко в рот.

Ей больно, но сладко.

А позже ее ломает от невозможности быть вместе. Глаза трезвеют и показывают, насколько молод этот парень… двадцать два…

«*Кончи в меня, Адиль…*» – Эрика впилась отросшими ногтями в сильную крепкую спину и остановила свое дыхание около его теплого уха.

«*Нет, Эри, я не могу. Ты же знаешь. Не обламывай меня! Дай кончить нормально*!» – сжимает в своих руках тонкую фигурку Эрики и переворачивает, подминая под себя.

«*Ну же, Красавчик… ты ведь знаешь, что я все равно не забеременею. Кончи в меня, ну пожаааааалуйста…*»

Адиль подхватывает голову Эрики в свою большую ладонь и сжимает волосы, снова переворачивая ее:

«*В попку. Хочу твою попку. В нее и кончу*!» – Возбуждаясь все сильнее, произносит Он. – *Но сначала отшлепаю эту непослушную задницу! Дрянная обидчивая девочка. Моя рыжая красавица. Хочу тебя!…*»

Адиль начинает с жадностью наминать ее крутые ягодицы своими упругими длинными пальцами. Они тут же оставляют белые следы на ее красных полусферах.

Эрика изгибается от удовольствия и легкой боли, лежа на животе под его тяжелым горячим телом.

Чем сильнее он сжимает попку, тем выше она приподнимает ее и становится совсем податливой.

«*Кошка. Моя кошка, мурчащая от удовольствия. Нравится тебе? Скажи, тебе нравится?* – тут же просовывает свою волосатую руку между ее ногами. – *Моя влажная девочка. Обожаю тебя. Хочу тебя. Войду…*»

Эрика может кончать с этим парнем бесконечно. Нереальный и необъяснимый голод просыпается у нее с его появлением. Она становится ненасытной и дикой в его руках…

Эти отношения она любит и ненавидит одновременно. Наслаждение до полного растворения своего тела в его. Все молекулы перемешиваются и непонятно, где заканчивается она и начинается он. Слиться в единое целое и чувствовать его член внутри себя как свой собственный орган, который живо откликается в тебе – это необъяснимое и всепоглощающее ощущение.

Оно заканчивается ровно в том месте, когда Адиль выходит за дверь ее квартиры.

Тут же встает образ его мамы и ревность начинает сжирать Эрику. За ревностью женская самооценка опускает планку все ниже и ниже. Внутренние расчеты показывают на виртуальном табло цифру, которая обозначает разницу в возрасте.

Двузначное число начинает разгораться все сильнее и мигать. Чаще и чаще. Раздражая и приводя нервные клетки в хаотичное движение, словно им всем враз пережали горло.

Совершенно противоположное наслаждению ощущение.

Она в полном дерьме. И больше не чувствует себя женщиной. Бесформенная масса, скрюченная в один большой вопрос.

10

Сложнее всего справиться с одиночеством.

И даже не с ним. С отсоединением. От любимого. От того, на кого рассчитывала. С кем хотелось быть.. И от кого ждала все это время.

Эрику ломает. Она снова проснулась посреди ночи и записала свой сон. После, Роберту о встрече.

…

– Я не могу отпустить его, помогиии, – это ее заунывное и по-детски трогательное «помогиии» он очень любил и всегда сдавался.

Вот и сейчас смотрит на нее по-отцовски влюбленными глазами, в которых разгораются азартные огоньки и начинают выплясывать танец.

Роберт встает, проходит до кулера, быстрым движением руки схватывает пластиковые стаканчики и возвращается к себе.

На ходу подкатывает столик и ставит между ними.

Эрику начинает потряхивать. Она сжимается в клубочек на большом диване. Знает, что ее ждет сейчас.

Знает Роберта, что именно сейчас он сосредоточен и увлечен в своей задумке и его не остановить.

Она обожала такие моменты и одновременно очень боялась их. В это время между ними рождаются сумасшедшие идеи и атакуют инсайты. И с этим ей потом идти одной домой.

– Эрика, вот ты. А вот твой Мигель. А это – Адиль. Еще один – твой Директор. Ну и с сайта знакомств дежурный вариант – Гитарист.

А здесь, напротив, твои родители. Вот они.

Эрику отпускает. Она выдохнула и расслабилась.

– Уффф, Роберт, как я разволновалась. А здесь такое милое задание. Давай, дальше.

– Нравится? – довольно потирая руки, продолжал Док. – Что тебе дает каждый из окружающих тебя мужчин?

– Оу, они образованные, увлеченные, самостоятельные, независимые, ума палата, с ними интересно, путешествуют….но есть один неприятный момент – привязаны к маме, – сморщилась в конце Эрика.

– Да. Можно ли предположить то, что все они обезличены для тебя и, если нет одного, то другой в то время, когда тебе нужно, будет рядом и поставит тебе то, в чем ты на тот момент будешь нуждаться?

– О, да! Я именно так и делаю, – снова широко улыбается Эрика, вглядываясь в терапевта по-детски преданными глазами.

Роберт начинает медленно, пока она говорит, брать «мужские» стаканчики и складывать их друг в друга, пока не остается один.

– Как тебе?

– Отлично!

– Познакомишь? – двигает стаканчики по направлению к родителям Эрики.

– Ну….да, – теряется и начинает маячить тонкими пальчиками, – только не приведу же я всех. Давай я познакомлю их с Мигелем, а остальных в топку.

– Да, – улыбаясь, Роберт убирает стаканчики на другой столик. – как тебе?

– Сумасшедшая четверка, – смеется в голос.

– Нравится?

– Да! – расплывается дальше, но в следующий миг ее лицо сменяет маска отвращения.

– Что с тобой?

– Странная штука, Роберт. Я не могу теперь близко к родителям подойти. Он мне мешает, – недовольно морщится и показывает пальцем на стакан Мигеля.

– Уберу?

Кивает головой, растерянно уставившись в треугольник из стаканов.

– Как тебе? – нажимает Роберт.

Лицо становится наивным и потерянным.

В сознании Эрики что-то меняется. Во внешнем пространстве остается лишь тело, а вся она уже ушла в свою историю.

– Мне надо быть здесь. С ними. Мама смотрит на меня. Ей надо, чтобы я оставалась рядом.

Папа постоянно косячит, подводит ее. Она мне жалуется. А я должна слушать. После нее папа плачет, смотрит прямо мне в глаза.

Я тоже начинаю плакать, протягиваю руки….И мамин визг: «*Предательница! Ты же девочка, ты же моя дочь*!»

И я отрываю руки от папы, подвигаюсь к ней. Роберт, а ведь так до сих пор и происходит. Они уже старые, но дергают меня точно так же.

– Верю, Эрика, – смотрит на стаканчики и продолжает, – мама с папой отворачиваются от тебя и говорят:

«Дочь, это только наша история. Мы взрослые и разберемся в ней сами. А ты играй, иди к подружкам, к мальчишкам и радуйся жизни»

Роберт медленно отодвигает родительские стаканчики на другой конец столика. Стаканчик Эрики остается один посреди пустого пространства.

Она начинает подергивать плечиками и вздрагивать грудным голосом:

– Как?…А я?…А как же я?

Роберт показал рукой на стаканчики, которые толпой стояли на другом столике.

– Нееет! Я не хочу к ним! – замотала головой. – Я хочу к маме! Мне надо быть с ней! Я нужна ей! Я не верю, что я ей больше не нужна!

– Да, Эрика. Поставь стаканчики, как тебе спокойнее, – ровным голосом гладит Эрику Роберт.

Та лихорадочно хватает свой стаканчик трясущимися руками и ставит перед родительскими.

– Вот… так.

– Да. Так для чего тебе в твои тридцать шесть быть рядом с родителями?

– Только так я *маленькая*… и только так я *не* женщина… Роооооооберт, да когда же это закоооооончитсяааа???

Она подпрыгивает с дивана, начинает ходить по комнате из стороны в сторону, останавливаться, дышать, то и дело поправляя лоб попеременно то левой, то правой рукой, будто он сейчас отпадет или отклеится.

Подходит к другому столику, берет стаканчик Мигеля и ставит рядом со своим.

– Я хочу так! Как сделать так, Роберт?!! Я хочу трахаться! – Отчеканивает и продолжает выбрасывать в воздух. – Я хочу любить! Ждать его, быть с ним! Я не хочу лететь к маме по первому ее зову и слушать ее многочасовые помои про папу. Я хочу быть женщиной, Роберт! Помогиииии…

11

Любовь связана с мальчиком из Испании.

Дружба по переписке. Первая влюбленность. Влечение. Слезы. Страсть.

Первая встреча на взрослой территории. Разочарование и слепая наивность с верой в будущее. Через долгих десять лет после знакомства.

Снова иллюзия любви и цепкое удержание за того, которого нет. Даниэль.

Мальчик, который так и не вырос.

Разовый секс превратился в одну большую неудачу.

С обеих сторон. Она полная дура в постели. Он робкий девственник в свои 28. Кончил ей прямо на живот, как только попытался пристроиться к ней.

После перерыва второй заход и его тревожное:

– Тихо, ты сломаешь его.

И ее последующий смех со слабо скрываемой злостью прямо ему в лицо:

– Сломаю? Я только взялась….

Он отворачивается и начинает застегивать штаны, а она спрыгивает с высокой постели и выбегает из комнаты.

Навсегда.

Оставшиеся три дня в Барселоне проводит в одиночестве.

Просто бродит.

Натыкается на что-то болезненное.

Плачет.

12

«Я Одиночка.

Со мной сложно. Очень привередлива в буднях и быту. Мне все не так. Все раздражает.

Не так сидит, не тут стоит, не здесь поставил кружку. И это не только о мужчине. Хоть о ком-то живом.

Даже кошка с собакой. Или попугай с хомяком.

Я приняла решение жить одной. Это правильно.

Для меня. Для людей, которые через меня могли бы травмироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.